

ПЕЧАТЬ КЛИРОСА НОВГОРОДСКОЙ СОФНИ
И ПРОБЛЕМА ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СВЕТСКИМИ
И ЦЕРКОВНЫМИ ВЛАСТЯМИ
В СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ РУСИ

До настоящего времени представление о деятельности соборных клиросов в домонгольской Руси базировалось лишь на относительно малочисленных — по сравнению с данными о других церковных институтах — сведениях письменных источников.¹ Находка первой печати соборного клироса в Новгороде не только расширяет имеющуюся источниковую базу, представляя богатый материал для реконструкции правовых полномочий клиросов и их взаимоотношений со светской властью, но и открывает собой новый разряд русских церковных печатей, до этого времени представленный лишь сфрагистикой высших иерархов — митрополитов, епископов и шадыханских наместников.

Названная печать была обнаружена при случайных обстоятельствах в 1999 г. на Новгородском Рюриковом городище (см. рисунок).² Печать представляет собой:

Аук. Шестиконечный крест с наклонной (слева направо) поперечной перекладиной на подножии-суппедантуме.

Справа: ХС-КА = [Ι(ησοῦ)ς] Χ(ριστο)ς [νικῶ].

¹ О соборных клиросах см.: Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. 1. Период первый. Киевский или домонгольский. Первая половина тома (репр. перепод.) // Материалы по истории церкви. М., 1901 (1997). Кн. 16. С. 376—383; Щапов Я. П. Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. М., 1989. С. 124—131.

² ИИАМЗ. № КП 40850—18. Диаметр — (?) 18,2 мм, толщина — 2,3 мм, вес — 2,570 г. Фрагментирована (сохранилась 1/2 печати) — плом по каналу для продвижения шнура. Митрицы превосходили по размерам заготовку. Патинирована.

Пользуясь случаем, хочу выразить искреннюю и сердечную признательность администрации Отдела нумизматики и сфрагистики ИИАМЗ Л. Б. Тимофеевой за помощь в ознакомлении с материалами собрания осенью 1999 г.

Рк.	Надпись в четыре строки:
СФ...	Σφ(ρα)-
ΓΗСТ...	γῆς τῆς]
ΑΓΓ...	ἀγῆ[ας]
СWФ...	Σωφ(ισ(ς))]

Поврежденная легенда печати без труда восстанавливается как: «Σφραγίς τῆς ἀγῆ[ας Σ(ο)φίας». Стилистические особенности моллидовула позволяют датировать его второй половиной XII—XIII в. Без сомнения, на новгородской печати речь идет о церкви Св. Софии, которая в данном случае представлена не чем иным, как ее соборным клиросом.³ Подобная лаконичная легенда имеет также аналогии среди византийских коллективных печатей XI—XII вв., представляющих клиросы отдельных церквей.⁴

На Руси клиросы представляли собой объединения белого духовенства при соборных церквях. Наряду с литургической деятельностью по обеспечению ежедневной службы в городе они имели значение коллективного органа управления церквями на территории всей епархии и, кроме этого, обладали некоторыми муниципальными функциями более широкого значения.⁵ Как предполагал еще Е. В. Голубинский, русские клиросы, возникшие на основе византийской традиции, не имели той разветвленной структуры должностей и чинов, характерной в то время для клиросов византийских, и представляли собой штат епархиальных чиновников без четкого распределения функций.⁶ Это предположение, помимо письменных свидетельств, подтверждается и на материале древнерусской церковной сфрагистики, которая, кроме митрополитов, епископов, владычных наместников и, как показывает настоящая публикация, соборных клиросов, других церковных должностей и организаций не знает.⁷

Известия о русских клиросах впервые встречаются в источниках в конце XI в.⁸ Наиболее ранние из них относятся к клиросу киевского

³ Здесь уместно привести наблюдение А. Поппа, который под княжескими пожалованиями «*святой Богородице*» в Смоленской грамоте 1136 г. видел доходы, поступающие клиросу смоленского собора Св. Богородицы (см.: Попп А. Учредительная грамота Смоленской епископии // АЕ за 1965 г. М., 1966. С. 71, прим. 52). Я. Н. Щигол считает, однако, что равенство доходов между смоленским епископом и клиросом, обнаруженный А. Поппом в Смоленской грамоте 1136 г., не вполне обоснованным (см.: Щигол Я. Н. Государство и церковь... С. 128).

⁴ См.: Lemerle P. Le Clergé de l'Empire byzantin. T. V, 2. L'église. Paris, 1963.

⁵ Щигол Я. Н. Государство и церковь... С. 126.

⁶ Голубинский Е. В. История русской церкви. Т. I. С. 376, 383.

⁷ Ср.: Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. I. Печати X—начала XIII в.; Т. II. Новгородские печати XIII—XV вв. М., 1970 (далее: Янин, 1970); Янин В. Л., Гайдуков И. Г. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. III. Печати, зарегистрированные в 1970—1996 гг. М., 1998 (далее: Янин, Гайдуков, 1998).

⁸ Чудеса Феодисия Печерского (см.: Успенский сборник XII—XIII вв. / Под ред. С. И. Коткова. М., 1971. С. 132); «Чтение о Борисе и Глебе» Нестора (см.: Жизнь святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Пригот. к изд. Д. И. Абрамовичем // Памятники древнерусской литературы. Пг., 1916. Вып. 2. С. 17).

Софийского собора. Из имеющихся данных сфера деятельности соборных клиросов в XI—XIII вв. представляется следующей. В ведении клиросов при епископе, как это следует из Правил собора 1273 г.,⁹ находилась организация поставления священников и дьяконов. Свидетельство поздней, Акакиевской редакции Киево-Печерского патерика XV в., относящееся ко времени Феодосия Печерского, указывает на участие клироса Софии Киевской в управлении пещерным монастырем Успения Богородицы.¹⁰ Граффити киевского Софийского собора («Запись о Боянковой земле» см.: Высоцкий, № 25) сообщает об освидетельствовании членами клироса сделки о купле земли.¹¹ Особо следует подчеркнуть, что покупателем в ней выступал член княжеской фамилии — «князь Всеволод». Судебная функция клироса, несмотря на единичные сведения об участии клироса в суде уже начиная с конца XIII в.,¹² рассматривается исследователями как явление более позднее, характерное для Юго-Западной Руси XV—XVI вв.¹³ В XII—XIII вв. эта функция выполняется владычным заместителем при участии владычного тиуна.

Несмотря на то что в домонгольское время на Руси существовало три соборных храма, посвященных святой Софии — София Киевская (1037 г.), София Новгородская (1045—1052 гг.) и София Полоцкая (1044—1066 гг.), уже только место находки рассматриваемой печати, исходя из регионального значения соборных клиросов, может надежно связывать ее с клиросом Софийского собора в Новгороде. Добавление к легенде печати указания о местонахождении храма Св. Софии было в этой связи совершенно излишним.

Помимо этого, в пользу такой атрибуции печати может свидетельствовать и стилистика ее оформления. Так, анализ топографии находок печатей с изображением того или иного типа креста позволяет утверждать, что этот иконографический сюжет получает наибольшее распространение на печатях Северо-Западной Руси.¹⁴ Помимо этого,

⁹ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею (далее: РИБ). Т. VI. Памятники древнерусского канонического права. Ч. I. Памятники XI—XV вв. СПб., 1880 (2-е изд.: СПб., 1908). Стб. 92.

¹⁰ Государский Е. Е. История русской церкви. Т. I, I. С. 380; Шапов Я. Н. Государство и церковь... С. 129.

¹¹ Шапов Я. Н. Государство и церковь... С. 130.

¹² Я. Н. Шапов, усматривая в «князь» пропуск имени Всеволода Ярославича Анны (ум. 1111 г.), относит надпись к рубежу XI—XII вв. (см.: Шапов Я. Н. Государство и церковь... С. 130). Идентичный граффити С. А. Высоцкий, датирова надпись по стилистическим признакам первой половиной XII в., связывает «князь» граффити с вдовой князя Всеволода Ольговича Марией Мстиславной (ум. 1179) (см.: Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской. Вып. I: XI—XIV вв. Киев, 1966. С. 60—71).

¹³ «Послание к владимирскому князю» конца XIII в.; «Дружеское слово» князя XIII—начала XIV в. в составе Варшавской корачей (см.: РИБ. VI, I. Стб. 117—118).

¹⁴ См. об этом: Шапов Я. Н. Государство и церковь... С. 130.

¹⁵ Так, из 52 русских печатей домонгольской эпохи с различными типами креста 39 происходит с территории Северо-Западной Руси, в том числе 30 из самого Новгорода (№ 324-1—4, 325-1—3, 327, 331, 332, 334, 335-1, 2, 336-1, 2, 337, 338, 339, 339а-1, 2, 339б, 340,

сами печати с шестиконечным крестом на подложки и наклонной перекладиной, известные в домонгольское время в двух экземплярах (№ 336 и рассматриваемая здесь печать), происходят из самого Новгорода.

Печать № 336, обнаруженная на Неревском конце Новгорода,¹⁶ на основании изображения императора Константина предположительно связывалась с деятельностью новгородского посадника Константина Микульича (1136—1137, 1146—1147 гг.).¹⁷ Использование изображения Христа или «его символов» на печатях домонгольского времени, в свою очередь, по мнению В. Л. Янина, в целом не могло носить унифицированного характера. Так, в Новгороде, где в XII в. установились четкие типы епископской и княжеской печати, а также печати княжеских тысяцких, изображение креста, на основании предположительной атрибуции печати № 336, могло характеризовать, по мнению В. Л. Янина, сфрагистический тип новгородских посадников. Наряду с этим в других древнерусских землях это изображение, по мнению исследователя, возможно, могло представлять также княжескую или церковную сфрагистику.¹⁸

Тип шести- или восьмиконечного креста, действовавший из Византии, в рассматриваемое время распространился преимущественно лишь на русских печатях. Особо широкое распространение он получает на Руси в послемонгольское время и помещается при этом, за редкими исключениями (№ 579, 759),¹⁹ только на церковных печатях. Последние представлены печатями владычных наместников Новгорода (№ 474а, 478—480,²⁰ 480а, 481, 481а, 482—486, 486а, 486б, 487—510), Ладогои (№ 521а), Пового Торжка (№ 523) и двинских актов (№ 540—543, 545—547, 549, 551—552, 554—556, 558—562, 565, 567, 569), а также печатями новгородского «владычного круга» (№ 572, 573, 577).

Сохранность издаваемой печати не позволяет заключить, насколько развитой была верхняя горизонтальная перекладина изображенного на ней креста. Возможно, она была одинакова по размеру с наклонной перекладиной или все же, возможно, несколько превосходила ее. Так или иначе, общие вытянутые пропорции креста, в котором наклонная перекладина является центральной, прямых аналогий среди известного материала не находят. Однотипными же с рассматриваемой печатью по общим признакам являются монидовулы № 560 и

340л-2, 341, 341а, 342-1, 2, 342а, 342б, 342л — здесь и далее нумерация в соответствии с Янин, 1970. I. II; Янин, Гайдуков, 1998), и лишь 10 и 3 с территории соответственно южных (№ 324а, 328—330, 333-1, 3, 333б, 336а, 338а, 341а) и западных (№ 326, 333-2, 336б) русских земель.

¹⁶ Слои 12—13 ярусом, датированный дендрологически 1268—1299 гг. (см. Янин, 1970. I. С. 225).

¹⁷ Янин, 1970. I. С. 153.

¹⁸ Там же.

¹⁹ № 579 — печать новгородского посадника XIV в., № 759 — печать Спасского конца Новгорода XV в. На этих монидовулах, однако, крест, в отличие от церковных печатей, окружен круговой надписью.

²⁰ Наклонная перекладина печати № 478 неверно передана на прорисовке с нее (см.: Янин, 1970. I. Табл. 13) как прямая (ср. фото печати: Янин, 1970. I. Табл. 66).

573. На последнем наклон центральной перекаладины идет справа налево, однако на обеих печатях она превосходит по размерам верхнюю горизонтальную балку.

Таким образом, место находки печати наряду с ее иконографическими особенностями более чем определенно указывает на ее принадлежность соборному клиросу новгородской Софии, упоминаемому в источниках также под собирательным названием «софьяне».²¹ Первое известие о нем содержится в Новгородской первой летописи, в статье 1117 г. о знаменнии в новгородском храме Св. Софии: «...вечерю поющим, едять от дьякъ заражсень бысть от грома, а клиросъ весь с людьми падоша нищи...».²² В другом месте, в статье 1156 г., где сообщается об избрании новгородского епископа, он упоминается также как «клирос святой Софии»: «...и всѣ клиросѣ святая Софие, и вси попове городстии, идумен и чернцы, и въведоши и, поручивше епископу въ дворе святыя Софии...».²³

Место находки печати позволяет, кроме этого, также говорить о депонировании скрепленного ею документа в архиве княжеской резиденции на территории Рюрикова Городища, где наряду с архивом новгородского князя размещался также княжеский архив смесного суда.²⁴ Этот факт представляется весьма информативным для реконструкции характера отношений между светской и церковной властями в Северо-Западной Руси XII—XIII вв.

Анализируя сообщения источников конца XI—конца XIII в., в которых упоминаются соборные клиросы,²⁵ Я. Н. Щинов пришел к выводу о том, что до середины—третьей четверти XIII в.²⁶ их организация связывается хронологически с княжеской, а не епископской инициативой.²⁷ В Уставе князя Владимира о десятинах клирос, однако, уже твердо связывается с юрисдикцией епископа, что явилось отражением эволюции права и усиления церковной организации.²⁸

Упоминание клироса («и кто в клиросѣ») среди церковных людей, подлежащих юрисдикции епископа, содержится тем не менее не во всех редакциях Устава Владимира. Оно имеется во всех редакциях Синодально-Волынской группы и отсутствует в Оленинской редакции (за исключением Археографического издания, который является копией текста Синодальной и Оленинской редакций). Отсутствие этого указания в списках Оленинской редакции должно свидетельст-

²¹ НПЛ. С. 40; 231.

²² Там же. С. 20; 204.

²³ Там же. С. 30; 216.

²⁴ См. об этом: Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина (Историко-геналогическое исследование). М., 1981. С. 245—246; Янин, Гайдуков, 1998. С. 5.

²⁵ «Чтение о Борисе и Глебе» Нестора конца XI в.; Смоленская уставная грамота 1136 г.; анонимное «Послание к владимирскому князю» владимирского епископа конца XIII в.

²⁶ Так, в позднейшем из прилокаемых исследователем источников, «Послании к владимирскому князю» конца XIII в., речь идет об отце, а также «прядеях и дедах» владимирского князя, которые «украшили церковь божию юмрощаны» (см.: РИБ, VI, I. Стб. 117).

²⁷ Щинов Я. Н. Государство и церковь... С. 127—128.

²⁸ Там же. С. 128.

вонать, по мнению Я. Н. Щапова, о его появлении при создании архетипа Синодально-Вольнской группы редакций.²⁹ Создание этого архетипа связывается исследователем с Южной Русью или самим Киевом³⁰ и относится к рубежу XII—XIII вв. или первой половине XIII в.³¹

На Севере Руси новая переработка Устава появляется во второй половине или последней четверти XIII в. Она представлена созданной в Новгороде Синодальной редакцией, восходящей к архетипу Синодально-Вольнской группы.³² Все изменения, внесенные в Синодальную редакцию Устава Владимира, касаются так или иначе церковного суда, не только ограничивая степень участия в нем княжеской администрации, но и вторгаясь в саму сферу суда светского. Характер этих добавлений, по мнению Я. Н. Щапова, отражает «значительное изменение в положении церкви в Новгороде в XII—XIII вв., явившееся результатом вызревания республиканских органов, ослабления княжеской власти и перераспределения в связи с этим функций государственного управления внутри них».³³

Эти наблюдения могут быть привлечены и для уточнения датировки самой печати. Указанный выше пункт Устава Владимира о церковных людях и другие изменения, касающиеся степени участия светской власти в церковных и княжеских судах, внесенные в редакцию Устава Владимира последней четверти XIII в., способны ограничивать верхнюю датировку печати первой половиной XIII в. Так, исходя из общих наблюдений Я. Н. Щапова, интенсивную стадию кооперативного сотрудничества между новгородским князем и соборным клирохом новгородской Софии следует связывать со временем активного участия светской власти в делах последнего. С наибольшей вероятностью этот период взаимоотношений между институтами светской и церковной власти и может быть отражен находкой печати соборного клироса Св. Софии, происходящей из архива новгородского князя.

Что же касается самого иконографического сюжета, который ранее, применительно к новгородским находкам, рассматривался в качестве характерного для домонгольской эфратистики новгородских посадников, на основании твердой атрибуции рассматриваемой печати и широкого использования в послемонгольское время изображения креста преимущественно на печатях церковных институтов, а также учитывая достаточно выраженную унификацию русской эфратистики в целом, с наибольшей вероятностью следует признать его церковный характер. Впрочем, если принять во внимание широкое распространение этого сюжета лишь в послемонгольское время, не исключено, что

²⁹ Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI—XIV вв. М., 1972. С. 99.

³⁰ Ранее Я. Н. Щаповым выдвигалось предположение о создании этой редакции Устава не при митрополитичьей, а при одной из епископских кафедр Южной Руси — черниговской или переяславльской (см.: Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь... С. 101—102).

³¹ Щапов Я. Н. 1) Княжеские уставы и церковь... С. 37, 100—102; 2) Государство и церковь... С. 127—128.

³² Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь... С. 38—48.

³³ Там же. С. 44—45.

единичные печати с данным типом изображения в предшествующий период могли и не нести этой корпоративной нагрузки.

SUMMARY

The article deals with the problem of relations between secular and church authorities in Northwest Russia. The author uses the data of the seal of the choir of the Novgorod Sofia found in 1999 on the «Rurikovo goroditche».